

6. Growth without Ecodisasters. – N.-Y., 1980. – P. 190–195.
7. Маркс, К. Письма // К. Маркс, Ф. Энгельс // Соч. – М.: Политиздат. – 1963. – Т. 31. – С. 210.
8. Ласло, Э. Современные мифы / Э. Ласло // Экология и жизнь. – 2000. – № 2. – С. 4–8.
9. Ясперс, К. Смысл и назначение истории / К. Ясперс. – М., 1991. – 312 с.
10. Концепция Национальной стратегии устойчивого развития Республики Беларусь на период до 2035 года // Режим доступа: <https://economy.gov.by/uploads/files/ObsugdaemNPA/Kontseptsija-na-sajt.pdf>. – Дата доступа: 28.02.2024.

(Дата подачи: 28.02.2024 г.)

V. A. Ksenofontov

Военная академия Республики Беларусь, Минск

V. A. Ksenofontov

Military Academy of the Republic of Belarus, Minsk

УДК 355.01

МИРОВОЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ КАК ФАКТОР СОЦИАЛЬНОГО БЫТИЯ

PEACE-MILITARY RELATIONS AS A FACTOR OF SOCIAL EXISTENCE

В статье на основе закономерностей глобального социального развития и особенностей военно-политической обстановки показано, что разрешение межгосударственных противоречий осуществляется посредством насилия и его крайней формы – войны. Обосновано, что современное состояние межгосударственного конфликтного взаимодействия в международных отношениях можно именовать как мировые отношения. Показано, что мира как состояния социума в «чистом» виде не существует. Определена сущность мировых отношений.

Ключевые слова: международные отношения; государство; социальное бытие; законы диалектики; политика; насилие; мир; война; национальный интерес; мировые отношения.

In the article on the basis of regularities of global social development and peculiarities of military and political situation it is shown that the resolution of interstate contradictions is realized by means of violence and its extreme form – war. It is substantiated that the current state of interstate conflict interaction in international relations can be called as peace-military relations. It is shown that peace as a state of society in a «pure» form does not exist. The essence of peace-military relations is defined.

Keywords: international relations; state; social being; laws of dialectics; politics; violence; peace; war; national interest; peace-military relations.

Современный мир все чаще определяют эпитетами «кризисный», «турбулентный», «хаотизирующийся», «неустойчивый». Эти характеристики справедливы, но они не показывают всю сложность и динамичность трансформаций глобального социального бытия. Пожалуй, самая явная характеристика и закономерность современности – нарастание военно-силового давления на социальные системы (государства) со стороны строителей нового мирового порядка. Существенно множатся опасности (угрозы) военного характера, способные дестабилизировать национальную безопасность суверенных государств. Государства мира вступили в бескомпромиссную борьбу за будущее: смыслы, ценности, иерархию, структуру и модель социального бытия. Разрешение межгосударственных противоречий осуществляется с использованием широкого диапазона насильственных средств. Все активнее при характеристике конкурентной борьбы между странами используется термин «война», свидетельствующий не столько о применении военной силы, сколько о крайней степени конфликтного взаимодействия социальных субъектов. Все чаще применительно к высшей форме насилия (войне) нами используются такие ее особенности и характеристики, как: информационная, психологическая, идеологическая, когнитивная, консциентальная, ментальная, концептуальная, мировоззренческая, системная, поведенческая, теневая, экономическая, гибридная, прокси и др.

Убеждены, что существенным элементом ведущейся сегодня *мировой гибридной войны* [1] является жесткая, а порой жестокая *глобальная ментальная война* [2; 3] со стороны западной коалиции за право определять будущее планеты и управлять волей побежденных. В этой войне *основным оружием выступают информация и знания, а мишенью – менталитет народов*. По мнению автора, при характеристике современных условий глобального социального бытия, кроме, известных нам, понятий «мир» и «война» как состояний социума, можно использовать термин «мировоенные отношения». Постараемся обосновать правомерность его применения.

Уточним принятую терминологию. В военно-политическом словаре под редакцией Д. О. Рогозина находим, что **мир** – это «категория, определяющая жизненные условия сосуществования государств, характер отношений между народами и государствами (коалициями государств), основывающихся на взаимном учете национальных интересов, проведении внешней политики ненасильственными средствами, отсутствии открытых военных столкновений (вооруженной борьбы) и соблюдении взаимных договорных обязательств. В силу ряда объективных и субъективных политических, экономических и других причин мир нередко прерывается войнами» [4, с. 36].

В свою очередь, под **войной** понимается «общественно-политическое явление, связанное с коренной сменой характера отношений между государствами и нациями и переходом противоборствующих сторон от применения невоенных, ненасильственных форм и способов борьбы к прямому применению оружия и других насильственных средств вооруженной борьбы для достижения определенных политических и экономических целей.

По своей внутренней сущности война является продолжением политики государства и их правящих элит насильственными средствами» [4, с. 54].

Таким образом, в соответствии с диалектической логикой данные состояния общества (мир – война) являются противоположностями, которые, взаимодействуя между собой, осуществляют взаимопереходы. История человечества подтверждает, что *война является формой бытия социума*, а короткие периоды мира были лишь подготовкой к новой войне. В течение шестидесяти веков изученной истории человечества мир в планетарном масштабе был лишь в пределах трехсот лет, менее одной недели каждые 100 лет, а остальное время велись военные действия. Война обусловлена комплексом противоречий и имеет собственный механизм развития [5].

Обратим внимание, что уже в политике мирного времени того или иного государства (коалиции стран) формируется цель и возможный характер будущей войны (наступательной или оборонительной), готовятся необходимые ресурсы (материальные и духовные). Анализ истории свидетельствует, что по мере развития человечества количество военных конфликтов возрастает, а также о том, что военное насилие становится более изощренным и технологичным, активно меняются его инструменты и способы достижения целей войны.

Сегодня активно осуществляется переход от *классической* парадигмы войны к *неклассической* [6]. Меняется соотношение военных и невоенных средств достижения целей войны в пользу последних. Это не отменяет важнейший инструмент военного конфликта – военную силу, которая используется как последний довод. Постоянно применяется арсенал системных, непрямых и скрытых форм принуждения (насилия) противника. Напомним, что скрытые (неявные) способы воздействия на противника использовались на протяжении всей истории противоборства (военного и невоенного).

Особенно активно технологии непрямого и скрытого воздействия в противоборстве стали применять в период противостояния США и Советского Союза, т. е. в период «холодной войны». Обладание СССР мощными и передовыми Вооруженными Силами не стали гарантией от его поражения в этом противостоянии. Не рассматривая совокупность причин крушения Советского Союза, подчеркнем, что он проиграл в духовно-мировоззренческой сфере без единого выстрела. США и западный мир вышли из противостояния победителями.

Развитие конфликта между США и СССР проходило в контексте *закона единства и борьбы противоположностей (диалектической противоречивости)* с нарастанием противоречий, но динамика конфликта не породила «скачок» (непосредственное военное противостояние) с точки зрения *закона взаимного перехода количественных и качественных изменений (перехода количества в качество)*, но неизбежно привела к новому качественно-му состоянию всей мировой системы, в которой одна противоположность (США) победила другую (СССР). Этапы противостояния развивались в соответствии с *законом отрицания отрицания (диалектического синтеза)*,

постоянно совершенствовались сами противоположности (США и СССР), проходя разные витки диалектической спирали, совершенствуя как военные стратегии, так и технологии скрытого силового воздействия, осуществляя невоенное, но системное насилие и мировоззренческое воздействие. Военная сила в это время обеих сторон постоянно наращивалась и модифицировалась, использовалась как средство давления, шантажа и сдерживания ядерной войны. Вполне закономерно, что данный период противоборства ведущих государств мира с разными идеологиями и системами социально-политического устройства именуется «холодной войной».

Таким образом, планируемая западными стратегами (во главе с США) геополитическая цель (крушение СССР) была достигнута без одного из двух *сущностных признаков классической войны* (политика и вооруженная борьба). Иными словами, в межгосударственном противоборстве без вооруженной борьбы, а посредством искусства политики достигнута цель по разрушению Советского Союза. Это вовсе не говорит об отсутствии противоборствующих сторон как важном признаке войны, решительности их целей, бескомпромиссной борьбе по всем направлениям. По нашему мнению, именно период «холодной войны» дает основание использовать термин «мировоенные отношения». Несмотря на отсутствие военного столкновения, присутствовало политическое насилие, шла жесткая и бескомпромиссная борьба на выбывание из мировой повестки по стратегическим интересам. Западными стратегами в отношении СССР осуществлялась реализация технологии системной войны, что очень убедительно показано профессором С. И. Репко в монографии «Национальная безопасность» [7].

Могут возразить приверженцы классической парадигмы войны, считающие, что без вооруженной борьбы в противоборстве мы имеем дело с иным феноменом, отличным от войны. Но не стоит забывать о «тумане войны» (Клаузевиц), о том, что «вся война основана на лжи» (Сунь-цзы), т. е. это путь обмана, а также о логике подготовки субъектами (актерами) мировой политики и ведения ими любой борьбы, к которой противоборствующие стороны готовят весь имеющийся арсенал средств. Непосредственное же использование тех или иных средств насилия в противоборстве всегда зависит от комплекса условий и факторов обстановки, таких как: уровень и степень сопротивления противника, эффективность средств поражения, степень достижения поставленных целей, экономическая целесообразность применения имеющихся различных средств, желание жертвовать собственной жизнью и др.

И если в результате «холодной войны» геополитическая цель противоборства достигнута с оптимальными затратами, без прямого использования военной силы, с сохранением собственных вооруженных сил и населения страны, всей инфраструктуры, то это свидетельствует лишь о том, что одна из противоборствующих сторон «переиграла», а точнее «передумала» другую. Важно помнить и то, что, готовясь к противоборству, каждая из сторон сама определяет технологию планируемого насилия и способы достижения

целей, разрабатывает стратегию и тактику воздействия, а также сценарии и планы операций.

Следовательно, если достигнуты цели, противник подчинен воле победителя, поставлены под контроль его основные пространства: политическое, экономическое, социальное, духовно-мировоззренческое, а новое руководство страны выполняет волю победителя, то отсутствует необходимость использовать военное насилие. Можно условно сказать, что это «невоенное воевание» [8] или мировые отношения.

В современных условиях ведущие мировые игроки, обладая ядерным арсеналом и понимая последствия его применения противной стороной в ответ на агрессию, предпочитают осуществлять насилие непрямыми средствами: политико-дипломатическими, информационно-психологическими, культурно-мировоззренческими, экономическими, историческими, спортивными и др.

Арсенал средств поражения и контроля геополитического пространства противоположной стороны и впредь будет совершенствоваться в зависимости от целевой установки и задач страны-агрессора. Сегодня военные конфликты чаще всего ведутся не за территории, а за сферы влияния, поэтому насилие трансформируется из материальной области в духовно-мировоззренческую, формируется *новая философия войны*.

В XXI столетии эффективным способом поражения противника, кроме военной силы, является *ментальное принуждение*, смена общественного и индивидуального сознания. В этом контексте уместно обратиться к американскому философу Элвину Тоффлеру, который отмечал, что, «на протяжении всей истории человечества люди воевали так же, как работали» [9, с. 63], а «способ создания богатств и способ ведения войны связаны неразрывно» [9, с. 105]. В своей книге «Война и антивоенная: Что такое война и как с ней бороться. Как выжить на рассвете XXI века» он показал динамику факторов производства (волн) от *аграрного*, затем к *промышленному* и наступившему – *информационному*. Главным ресурсом экономики Третьей волны является **знание** – «знание в широком смысле, включая информацию, данные, изображения, символы, культуру, идеологию и систему ценностей» [9, с. 97]. Данный тезис в очередной раз подчеркивает информационно-когнитивную особенность современного межгосударственного противоборства, но он не отменяет военного насилия в случае крайней необходимости. Поэтому мы не отрицаем классическую парадигму войны, но не видеть ее трансформацию по содержанию и переход к неклассической войне – это нерационально.

Напомним, что на протяжении всей истории военных противостояний использование информации, знаний, различных способов обмана противника всегда способствовали более эффективному достижению победы. Известно, что в противоборстве решающую роль играет морально-психологическая готовность войск и народа к защите государства с опорой на необходимые средства насилия.

Сегодня российские и белорусские ученые активно разрабатывают теорию неклассической войны. Среди них: В. И. Анненков, А. А. Бартош, А. И. Владимиров, А. Г. Дугин, С. М. Иншаков, А. М. Ильницкий, И. Н. Караваяв, А. Д. Куманьков, А. В. Манойло, В. М. Макаров, Л. С. Мальцев, В. Ф. Моисеев, В. К. Новиков, И. Н. Панарин, А. И. Подберезкин, И. М. Попов, И. В. Понкин, С. И. Репко, К. В. Сивков, К. Н. Соколов, К. С. Стригунов, П. В. Суханов, М. М. Хамзатов и др.

Развитие человечества в XXI в. с постоянным нарастанием насилия можно охарактеризовать как наступившую эпоху «мировойны», или «войномира»: «теневые войны», как назвал будущие конфликты американский генерал Дэвид Барно [10, с. 2]. Военное насилие в текущем веке не прекращалось ни на один день. Это еще один существенный аргумент глобального социального развития в пользу возможного применения термина «мировые отношения».

Дэвид Барно в своей работе «Теневые войны XXI века» пишет: «Война – это морфинг, незаметное, плавное перетекание одной реальности в другую» [10, с. 158]. Дело в том, что история военного противоборства человечества также подтверждает этот тезис, а с учетом скрытых форм ведения современного военного насилия это состояние социального бытия уже является реальностью.

Стоит отметить, что западные стратеги активно совершенствуют не теорию достижения мира, а теорию насилия [11]. Любые стремления к объединению государств и народов мира, способных бросить вызов доминированию западной цивилизации, породили упреждающую стратегию разрушения любых геополитических конкурентов. Анализируя новейшие концепции боевых действий западных стратегов во главе с США, известные российские аналитики Е. С. Ларина и В. С. Овчинский справедливо подчеркивают, что «упреждающая стратегия, в отличие от превентивной, предполагает борьбу и устранение не актуальных, существующих, а прежде всего потенциальных угроз, угроз завтрашнего дня для «американской исключительности» [10, с. 404]. Они также отмечают, что в разрабатываемых концепциях противоборства «постулируется, что между войной и миром нет больше четкой грани. Поэтому новая преземптивная стратегия будет реализовываться не столько в ходе традиционных военных конфликтов, сколько в рамках жестких противоборств. Американцы, и Запад в целом все чаще уходят от четкого и юридически определенного термина «война», заменяя его такими размытыми понятиями, как «конфликт», «противоборство», «противостояние» и т. п.» [10, с. 408].

Акцентируем внимание, что концепция «преземптивной войны» часто употребляется в связи с так называемой доктриной Буша, *предоставляющей «право» на преземптивные военные действия не для всех государств, а только для США*. На данную стратегию обращает внимание и профессор И. В. Понкин в своей монографии «Неклассические войны». Он подчеркивает, что, в отличие от превентивного нападения, когда угроза нападения

противника реальна и неизбежна и когда реализуется стремление нанести удар первым, а не вторым, преземптивное нападение имеет в своей основе мотивирование и обоснование существенно более отложенной и неявной (или вообще мнимой) угрозы, стремление развязать войну раньше через упреждение возможной в будущем реализации этой отложенной или ожидаемо возникающей угрозы [12, с. 14].

С учетом стратегических разработок США на преземптивные действия, и видя тенденции развития военно-политической обстановки, можно заключить, что подобные способы насилия в перспективе будут реализовываться в мире, а их использование будет только нарастать со стороны США и НАТО [11]. Разработанная доктрина преземптивных действий еще один довод в пользу рационального применения терминов «мировойна» и авторского «мировые отношения».

Еще раз обратим внимание, что какие бы заявления и декларации не принимались политиками в пользу мира как состояния общества, анализ исторического процесса свидетельствует, что самым надежным средством решения международных противоречий является военное насилие. Наиболее пагубные последствия оно приобрело в современных условиях. В войнах, вооруженных конфликтах, других формах вооруженного насилия, имевших место только в XX в., погибло 140–150 млн человек [13, с. 123]. При этом в войнах уничтожены огромные богатства, которые могли обеспечить достаток многим народам.

Надо понимать, что военное насилие выступает одной из разновидностей *социального насилия* [14]. Последнее, в свою очередь, представляет собой форму взаимоотношений между людьми, имеющую принудительный характер. В своих различных проявлениях насилие выступает как действие одних общественных сил против других в целях подавления или подчинения их воли путем применения принудительных мер. Социальное насилие – явление историческое. С формированием и развитием государства социальное насилие приобретает политическое содержание.

Таким образом, по своей сущности социальное насилие представляет собой способ реализации коренных интересов, целей определенных классов, государств с применением или угрозой применения силы, вплоть до вооруженной, в отношении других социальных сил, государств [13, с. 124].

В системе международных отношений социальное насилие – чрезвычайно сложное и многогранное явление. Оно функционирует в различных сферах деятельности, находит конкретное выражение в экономическом, политическом и духовном насилии.

Так, *экономическое насилие* – это способ принуждения с использованием непосредственных экономических санкций. Конкретные формы его известны: экономическая блокада, экономическое давление на другие страны и др.

В отношениях между государствами активно применялись и широко используются сегодня разнообразные формы *духовного принуждения*. Сюда

можно отнести идеологическое и психологическое давление, насаждение религиозного фанатизма, принудительное навязывание мировоззренческих позиций.

Свое высшее воплощение социальное насилие находит в области *политической борьбы* – политическом насилии, которое пронизывает, по сути, все проявления социального принуждения. Более того, именно в нем принуждение приобретает наиболее жесткие формы.

Политическое насилие во внешней политике – это совокупность политических акций в отношении других государств в целях достижения политического господства или определения политических, а вместе с ними и экономических преимуществ.

В зависимости от используемых средств принуждения политическое насилие подразделяется на *два вида*: вооруженное и невооруженное насилие. Невооруженное политическое насилие – вид действий с обращением к относительно «мирным», бескровным средствам и мерам принуждения противника вопреки его коренным интересам.

Организованное насилие с применением оружия является наиболее радикальным и мощным видом политического насилия, крайним способом политического воздействия. Однако следует всегда учитывать тот момент, что фактически и невооруженное насилие таит в себе возможность, скрытую или явную, угрозы применения оружия. Между «мирным» и вооруженным насилием всегда складываются глубокие внутренние связи, взаимопереходы, которые способны привести к радикальным военным мерам, что в очередной раз позволяет применить термин «мировые отношения».

Учитывая реалии современных международных отношений и возрастание различных форм принуждения по отношению к суверенным государствам, с нашей точки зрения, в научном обороте можно использовать понятие «мировые отношения», под которым понимается состояние социального бытия, условия развития государств, характер отношений между народами и государствами (коалициями государств), основывающихся на конфликтном взаимодействии, игнорировании национальных интересов одной из сторон, проведении внешней политики скрытыми и открытыми насильственными средствами, не переходя порог до прямого военного столкновения (вооруженной борьбы), основывающихся не на силе права, а на праве силы.

В силу ряда объективных и субъективных политических, экономических и других причин мировые отношения могут переходить в непосредственное военное насилие.

Таким образом, при определении состояния социальных отношений конфликтующих сторон (стран и коалиций) проблематично выделить «чистое» состояние мира или войны. Вполне закономерно, что сегодня в международных отношениях активно используются термины «гибридная война» [15] и «прокси-война» [16] как своеобразный гибридный состояний мира и войны, а точнее мировых отношений.

В связи с тем, что в международных отношениях во взаимоотношениях социальных сил часто присутствуют непреодолимые противоречия, а политические цели заключаются в принуждении или подавлении противоположной стороны с использованием скрытых (открытых) насильственных средств, то более подходящим термином для характеристики подобного состояния и являются «мировые отношения».

Список использованных источников

1. *Бартош, А. А.* Мировая гибридная война / А. А. Бартош. – М.: Горячая линия – Телеком, 2023. – 544 с.
2. *Ильницкий, А. М.* Ментальная война России / А. М. Ильницкий // Военная мысль. – 2021. – № 8. – С. 19–33.
3. *Ильницкий, А. М.* Стратегия гегемона – стратегия войны / А. М. Ильницкий // Военная мысль. – 2023. – № 6. – С. 18–36.
4. Война и мир в терминах и определениях. Военно-политический словарь / под общ. ред. Д. О. Рогозина. – М.: Вече, 2011. – 640 с.
5. *Ксенофонов, В. А.* Война как исторический и современный феномен общественного бытия / В. А. Ксенофонов // Философские исследования: сборник научных трудов № 10. – Минск: Изд. дом «Бел. наука», 2023. – С. 101–112.
6. *Стригунов, К. С.* Современные неклассические войны: формы, методы, технологии: моногр. / К. С. Стригунов; под ред. доктора полит. наук, профессора МГИМО (У) МИД России А. В. Манойло. – М.: Горячая линия – Телеком, 2024. – 244 с.
7. *Репко, С. И.* Национальная безопасность: моногр. / С. И. Репко. – М.: Акад. геополитики, 2012. – 290 с.
8. *Ксенофонов, В. А.* Война без войны: акценты современного насилия / В. А. Ксенофонов // Научная мысль. – 2021. – № 1-1 (39). – С. 56–61.
9. *Тоффлер, Э.* Война и антивойна: Что такое война и как с ней бороться. Как выжить на рассвете XXI века / Э. Тоффлер. – М.: АСТ: Транзиткнига, 2005. – 412 с.
10. Мировойна. Все против всех. Новейшие концепции боевых действий англосаксов / состав., введ. и закл. Е. С. Лариной, В. С. Овчинского. – М.: Книжный мир, 2015. – 416 с.
11. *Ксенофонов, В. А.* Современные западные концепции военного насилия / В. А. Ксенофонов // Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. – 2022. – Т. 67, № 2. – С. 135–148. – (Серия гуманитарных наук).
12. *Понкин, И. В.* Неклассические войны: монография / И. В. Понкин. – М.: ИНФРА-М, 2021. – 87 с.
13. Военная политология: учебник / под ред. В. М. Шевцова. – М.: ВУ, 2000. – 168 с.
14. *Ксенофонов, В. А.* Военное насилие как форма социальной борьбы / В. А. Ксенофонов // Вышэйшая школа. – 2020. – № 3 (137). – С. 57–62.

15. Сивков, К. В. Гибридная война / К. В. Сивков, К. Н. Соколов. – М.: Изд-во «Наше завтра», 2023. – 280 с.

16. Бартош, А. А. Прокси-война / А. А. Бартош. – М.: Горячая линия – Телеком, 2023. – 256 с.

(Дата подачи: 02.02.2024 г.)

Н. М. Лукьянович

Белорусский государственный университет, Минск

N. M. Lukyanovich

Belarusian State University, Minsk

УДК 1(091)

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ КАК ДРАМАТИЗАЦИЯ ИДЕЙ В КОНЦЕПЦИИ ЖИЛЯ ДЕЛЁЗА

HISTORY OF PHILOSOPHY AS DRAMATIZATION OF IDEAS IN THE CONCEPTION OF GILES DELEUZE

В статье автор раскрывает методологический принцип историко-философских исследований Жюль Делёза, благодаря которому возможно прочтение истории философии как театрального представления идей, позволяющего увидеть не только развитие философской идеи, но и ее осуществление. Для обоснования правомерности такого подхода к истории философии автор раскрывает содержание разработанного Ж. Делёзом метода драматизации, который он обозначает как последовательный и динамичный метод интерпретации и создания концептов.

Ключевые слова: история философии; драматизация; театральность; трансцендентальный эмпиризм; идея.

In the article, the author reveals the methodological principle of the historical and philosophical research of Gilles Deleuze, which considers that reading the history of philosophy can rightfully be compared to a theatrical performance. To substantiate this approach to the history of philosophy, the author reveals the content of the method of dramatization developed by J. Deleuze, which he designates as a consistent and dynamic method of interpretation and creation of concepts.

Keywords: history of philosophy; dramatization; theatricality; transcendental empiricism; idea.

В интервью 1969 г. журналу «La Quinzaine Littéraire» Жиль Делез отметил, что трудности с историей философии можно преодолеть, если превратить ее в инсценировку, «театр философии» [1, p. 144]. Поэтому вслед за Ж. Делёзом сравним историю философии с театральным представлением, героями которого выступают философские идеи, а сюжетная линия – это точки схождения и расхождения смыслов. Чтение философского текста Ж. Делёз сравнивал с чтением сценария к пьесе: есть диалоги, ремарки,